

Колдовские *Миры*

ИРИНА ЭЛЬБА
ТАТЬЯНА ОСИНСКАЯ

Драгоценная

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э53

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Эльба, Ирина.
Э53 Драгоценная / Ирина Эльба, Татьяна Осинская. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-04-004476-4

У Армель Шанталь было все — заботливые родители, богатство, титул и магический дар. Она и представить не могла, что в привычный мир дворцовых интриг вдруг ворвется ветер приключений, принеся с собой соленый вкус моря, ожившие легенды, и превратит ее в заложницу рабского клейма. Но первая фрейлина принцессы умеет держать удары судьбы. И что бы ни пришлось вытерпеть, она найдет свою дорогу к счастью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004476-4

© Осинская Т., Эльба И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Повернувшись на другой бок, я закрыла глаза и попыталась уснуть. Выходило плохо, очень плохо. Близость мужчины вызывала странную дрожь, будто маленькие молнии поочередно били по коже, порождая непонятное томление во всем теле и желание сбежать. Гнусный тип! Уверена, он подстроил это специально, чтобы отомстить. Да было бы за что! Подумаешь, прилюдно отклонила его предложение руки и сердца. Ну да, в очень некорректной форме, но и он хорош! Застал врасплох, вот я, растерявшись, и ответила в привычной для меня манере.

Но ведь столько времени прошло — целых полгода. Все должно было забыться, сгладиться. Так нет же, он решил припомнить обиду! Вот возьму и не поддамся на провокацию. А сейчас надо спать. Завтрашний день обещал быть тяжелым и насыщенным, так что лишние переживания ни к чему.

Стоило закрыть глаза, как воспоминания перенесли меня в имение родителей, в любимую с детства спальню. В распахнутое окно залетел ветерок, приправленный ароматом садовых роз. Скользя по телу, теплый воздух ласкал плечи и шею, покрывая их легкими, невесомыми поцелуями. От его дуновения чуть сдвинулся край одеяла, и ветер-проказник замер над вырезом рубашки, словно в нерешительности. А по-

том все же продолжил движение, расстегивая пуговички и уверенно, но нежно спускаясь ниже, постепенно из теплого превращаясь в горячий...

Вынырнув из дремы, я резко села на кровати. Мой мучитель все так же лежал на полу, положив под голову подушку. Грудь мерно вздымалась в такт дыханию, а тело казалось расслабленным. Все говорило о том, что он крепко и сладко спит. Неужели мне просто привиделось? Настолько реалистичный сон...

Я бы даже поверила в это, если бы не одно «но» — пуговицы действительно оказались расстегнуты, а плечи и шея нестерпимо чесались. Вот такая вот странная реакция на мужскую щетину и неоспоримое доказательство того, что сон мой был реальностью. Чувственный сон... и запутанная реальность.

Предыстория

Замок спал, укрытый звездным одеялом ночи. Цикады на десятки ладов и мотивов возносили хвалебные песни серебряной Аше и ее вечному спутнику — алому Калиту¹. Два светила, чьи лучи, сплетаясь в едином танце, любопытно заглядывали в приоткрытое окно, выхватывая из мрака маленькую хрупкую фигурку. Сжавшись в дальнем углу огромной спальни, она беззвучно проклинала свою судьбу.

По бледным щекам катились голубые слезинки. На секунду замирая на подбородке, уже в следующее мгновение они срывались вниз драгоценными камнями. И так происходило всегда, сколько девушка себя помнила. Слезы радости были прозрачными, чистейшими эльтами, венчающими королевскую корону и регалии таров. Слезы горя опадали желтыми, словно свет звезды, интарами, что так ценились мастерами. Слезы страха были лазурными лабитами, что жрецы преподносили своим богам как редчайший дар. И так всегда... Каждый оттенок ее эмоций имел свой цвет, свое название, свой драгоценный камень. Она сама была величайшим сокровищем этого мира, потому что подобный дар если и проявлялся у кого-нибудь, то тщательно скрывался, точно так же, как стереглась

¹ Серебряная Аша, алый Калит — спутники планеты, видны в ночное время суток.

тайна девушки. И тот факт, что подобных ей нет ни на одном из пяти материков, безумно радовал... Ни одному живому существу она не пожелала бы такой жизни: с детства ее заставляли испытывать сильные эмоции, пытаясь научить контролировать дар. Никто не подозревал о той боли, что неизменно накатывала после использования дара. Но хвала Аше, с возрастом боль утихала, и с ней уже можно было мириться, а слезы радости почти затмевали неприятные ощущения. Видимо, уроки дяди стали приносить свои плоды, хоть он и действовал по наитию, поскольку ранее с таким «сокровищем» ему сталкиваться не приходилось.

Имя столь удивительному ребенку подобрали соответствующее — Армель, что в переводе означало «каменная принцесса». С пеленок малышку приучали соответствовать своему имени, а после того как драгоценная девочка познакомилась с наследной принцессой Анитой, внучкой короля Себастиана, и стала ее фрейлиной, обучаться тонкостям придворной жизни получалось легче. В обществе приходилось учиться сдерживать свои чувства и эмоции, а это, в свою очередь, помогало контролировать дар.

Лия¹ Шанталь купалась в родительской любви и гордилась статусом подруги принцессы. Мир казался созданным для нее одной... пока на пути Армель не появился Он.

Орион Разящий — капитан корабля головорезов с лихим названием «Бездна». Его считали неуловимым призраком, появляющимся прямо из тьмы и уничтожающим торговые суда. После нападения «Бездны» на волнах качались лишь обломки да редкие выжив-

¹ Лия — госпожа, т.е. общепринятое обращение к женщинам.

шие. Многочисленные байки окружали имя капитана ореолом таинственности, усиливая страх перед безжалостным пиратом. Самая страшная и оберегаемая тайна грозного разбойника заключалась в том, что в миру Разящий принадлежал к роду Сельтор и носил статус тара Турмалинского, снискав себе славу искусного и беспощадного манипулятора.

Неуловимый? Нет... всего лишь умудренный жизнью и побитый судьбой человек. Безжалостный? На пути к заветной цели жалости нет места, а цель у него была, и он упорно шел к ней, порой по головам.

Вот только цель у капитана была не самая достойная. Он жаждал мести... Когда-то давно, еще в прошлой жизни, Орион, как самый обычный льер¹, прожигал жизнь при дворе Себастиана Златого на светских развлечениях, не задумываясь, растрачивая свою молодость на плотские утехы. Именно тогда он впервые в жизни полюбил. Полюбил с безрассудной горячностью, свойственной молодому сердцу. Беглый взгляд сквозь бальную залу, мимо танцующих и смеющихся людей. Один удар сердца и понимание: вот она — любовь.

Виктория Сальская — ненаследная принцесса Америки. Молоденькая девушка, родившаяся от связи короля и фаворитки. Ее планировали отдать в жены нойону соседней державы — острова Мэнсей, а у него на тот момент уже было две жены. Викторину собирались использовать в качестве разменной монеты, и Орион узнал об этом. Чего стоят доводы разума в сравнении с голосом сердца? Пылкий влюбленный выкрал избранницу ночью, воспользовавшись помо-

¹ Льер — благородный господин, обращение к мужчинам.

щью верных подданных, и увез в родовое поместье Турмалин, расположенное на неприступном острове, со всех сторон защищенном высокими скалами и коварными рифами. Только истинные турмалинцы знали безопасный путь.

Победа! Это была настоящая победа! Любимая Виктория рядом — добрая, нежная, хрупкая... И вся жизнь для них двоих. Так думал Орион, не замечая хмурых взглядов отца. Конечно, он не сказал пожилому родителю, кто его возлюбленная. Но опытному интригану — старому тару Турмалинскому — этого и не требовалось. Он все понял и... отвез принцессу обратно во дворец. Король был умным самодержцем и обставил все так, что юную деву похитили, но благородные Морские тары спасли ее и вернули домой. На следующий же день состоялась свадьба Виктории и нойона. Больше Орион свою любимую не видел. А через год до него дошли слухи, что молодая жена правителя Мэнсей покончила с собой.

В тот же день умер и юный льер, а в бушующем море родился Орион Разящий — пират, жестокость и хладнокровие которого вошли в историю. Теперь в сердце мужчины жила другая любовь — кровь, крики и запах смерти. И не существовало для него преград на пути к поставленной цели. За предательство отец Ориона был заживо замурован в стену фамильного замка, а тарство Турмалинское взял в свои руки новый Морской тар. Следующей целью стал нойон Мэнсей — только жизнью он мог расплатиться за гибель Виктории. Но самая страшная участь ждала короля Америки, и это был наиболее сложный пункт плана. Отца погибшей любимой Орион хотел растоптать,

а что хуже всего для заботливого короля? Правильно — гибель его государства. К этому главарь «Бездны» и шел, используя все и всех.

Неизвестно как получилось, что пират прознал про каменную принцессу, но Турмалинский тар решил, что она идеально подходит для его плана. Дар определил судьбу драгоценной Армель, в одночасье меняя всю ее жизнь...

Камень первый

Магическое клеймо, знаком бесконечности горевшее на внутренней стороне бедра, зудело неимоверно. Боли уже не было, но неприятные ощущения не позволяли забытья. А забытья хотелось — комната, в которую меня отвели сразу после «церемонии», нервировала. Небольшая, в алых тонах, она была сплошь завалена всевозможными орудиями и инструментами. Страшно было даже подумать, для чего все это здесь находилось. Но больше всего пугала кровать, располагавшаяся в центре. На спинках, в неровном свете двух светил, поблескивали оковы с цепью.

О любви Морского тара, льера Сельтора, к пыткам ходили истории одна страшнее другой. О гареме, размер которого давно перевалил за сотню, — еще ужаснее. Но я и предположить не могла, что увижу все это воочию. И огромный замок, окруженный со всех сторон неприступными скалами. И безымянных рабынь, снующих по «женскому крылу». Даже они бросали на меня сочувствующие взгляды, стоило мне под конвоем рослой служанки появиться в коридоре.

Я всегда считала себя симпатичной девушкой, без яркой красоты, но все же способной заинтересовать мужчин. Невысокая, хрупкая и изящная. Волосы цвета первого снега почти всегда убраны в модную прическу, голубые глаза на фоне светлой кожи сверкали

подобно холодным лабитам. Лицо в форме сердца, с высокими скулами и острым подбородком. Так что на недостаток внимания я никогда не жаловалась, хотя, возможно, дополнительным поводом для него было то, что в свои восемнадцать я оказалась весьма завидной невестой. И выгодной. Очень выгодной!

Замужество меня не пугало, об отношениях «после свадьбы» фрейлины принцессы были наслышаны от опытных придворных дам. А некоторые из подружек уже успели познать прелести взрослой жизни на практике. Мне же пока никто не приглянулся настолько, чтобы я забыла о воспитании, девичьей чести и выгодах договорного брака, но целоваться пробовала. Так просто, из любопытства.

Мысли об интимных отношениях вернули меня из воспоминаний. Похоже, скоро я познакомлюсь и с этой стороной взрослой жизни, вот только что-то не хочется. Очень не хочется!

Сжавшись маленьким комочком, я беззвучно роняла слезы, чувствуя привычную боль. Увы, контролировать себя сейчас было весьма сложно. Скотившиеся капельки до пола долетали уже голубыми камнями, гулким стуком нарушая звенящую тишину. Слезы страха... давненько их не было. Родители опекали единственную дочь, одаривая заботой и любовью... И я отвечала им взаимностью.

Стоило мне осознать, что под маской грозного капитана разбойничьей «Бездны» скрывается печально известный тар Турмалинский, как я поняла, что пощады не будет. Поэтому, услышав угрозы в адрес дорогих мне людей, я пошла вместе с пиратами без сопротивления... И совершенно не жалела об этом, потому что выбор между рабством и смертью близ-

ких очевиден. Тем более я уверена, что на мои поиски уже отправилась целая гвардия. Все-таки пропажа будущей тарисы Озерской и фрейлины принцессы Аниты — событие чрезвычайное. Впрочем, подозрения, что спасти меня уже не успеют, крепи с каждой минутой.

Гулкий звук шагов постепенно нарастал, заставляя вздрагивать от каждого удара металлических набоек о каменный пол. Наверное, так судьба отсчитывает последние мгновения, что остались до встречи с палачом.

Чем ближе капитан пиратов, наводящих ужас на все побережье, подходил к комнате, тем сильнее становилось желание задавить голос разума и броситься вниз на скалы. Уверена, морские волны, что столетиями бились о камень, с радостью бы приняли меня в свои объятия. Но тело словно одеревенело, и, когда дверь в комнату отворилась, я могла лишь судорожно вздрагивать, ожидая неминуемого...

— Какая рыбка нынче попала в наши сети! — Голос был сильный, с хрипыми нотками. — Ну что же ты плачешь, куколка? Радоваться должна, что удостоилась такой чести! Я очень привередлив, и не каждой посчастливится удовлетворить мой вкус!

Разговоры несколько не мешали мужчине перебирать орудия пыток, любовно проводя пальцами по каждому из них и примеряясь то к одному, то к другому.

— Ну, чего ты там жмешься? Уже давно должна была раздеться и лежать на постели! Давай-давай, поднимайся.

Я продолжала сидеть неподвижно, не в силах даже вздохнуть. А пират, будто этого и не замечая, при-

близился и, вздернув меня на ноги, удовлетворенно улыбнулся. Легкое движение — и мое импровизированное платье из простыни оказалось на полу. На лицо упали белые пряди, словно отгораживая от этого кошмара.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась я, но тихий шепот был проигнорирован.

Зажмурившись, я даже не сопротивлялась, когда Морской тар подтащил к кровати и бросил животом вниз. Сведя мои руки над головой, он неспешно застегнул наручники. Как же я надеялась, что похититель поддастся на женские слезы, и если не отпустит, то хотя бы в отвращении отступит, отложив свои коварные планы до следующего дня. А там бы я что-нибудь придумала. Подкупила бы, в конце концов. Но, увы, пират был привычен и к слезам, и к мольбам.

Что там писал Рейдис в своих статьях по душеспасению? «Если насилие неизбежно, постарайтесь отвлечься от происходящего». Не представляю, правда, как это сделать. Но попробую!

Интересно, а сам ученый попадал в ситуации, когда от насилия можно лишь отвлечься? Одно дело — учить других, и совсем другое — испытать на себе. Я девочка очень нежная и к подобному обращению не приученная. Самыми большими травмами были разбитые коленки в далеком детстве, когда мы с подругами играли в салочки, и исколотые иглой пальчики, когда матушка пыталась мне привить любовь к вышиванию. Ей это, к слову, не удалось, а вот мне немного помогло в освоении дара: если от боли слезы набегали на глаза, я некоторое время могла сдерживать их трансформацию. Однако сейчас я была так напугана, что страх вытеснил не только иные